

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ПРОФСОЮЗОВ

ЯЗЫК *и* межкультурная коммуникация

Материалы 1-й Межвузовской научно-практической конференции
19–20 апреля 2004 года

Рекомендовано к публикации
редакционно-издательским советом СПбГУП

Санкт-Петербург 2004

Е. А. ПЕТРОВА, <i>аспирант Курского государственного университета</i>	
ЯЗЫКОВОЕ И КУЛЬТУРНОЕ ПОТряСЕНИЕ, ИСПЫТЫВАЕМОЕ ЧЕЛОВЕКОМ В ЧУЖОЙ СТРАНЕ	55
М. Л. ШАПОШНИКОВА, <i>аспирант Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова</i>	
ВЫБОР КОНТАКТООУСТАНАВЛИВАЮЩЕЙ ТЕМЫ РАЗГОВОРА	57
И. В. ЮРОВА, <i>доцент кафедры немецкого и романских языков СПбГУП, кандидат филологических наук</i>	
УНИВЕРСАЛЬНОСТЬ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ ИНТОНАЦИЙ КАК ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ УСПЕШНОСТИ КОММУНИКАЦИИ	58
В. О. ПЕРМИНОВ, <i>доцент кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского университета аэрокосмического приборостроения, кандидат филологических наук</i>	
ПОЛИСЕМИЯ КАК ХАРАКТЕРНАЯ ОСОБЕННОСТЬ ПРОСТОРЕЧИЯ	61
Д. И. МЕДВЕДЕВА, <i>ассистент кафедры иностранных языков Удмуртского государственного университета (Ижевск)</i>	
КОНТРАСТИВНЫЙ АНАЛИЗ СПОСОБОВ ВЫРАЖЕНИЯ ИДЕИ ЗАПРЕТА В ПРЕДПИСЫВАЮЩИХ ЗНАКАХ (На материале русского, английского и немецкого языков)	62
И. А. ЩЕРБАКОВА, <i>старший преподаватель кафедры немецкого и романских языков СПбГУП</i>	
ИМЯНАРЕЧЕНИЕ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ	64
Ю. И. ВЛАДИМИРОВА, <i>магистр филологического образования кафедры ЮНЕСКО Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург)</i>	
ВОСПРИЯТИЕ ЮМОРА И ИНТЕГРАЦИЯ В КУЛЬТУРУ ИЗУЧАЕМОГО ЯЗЫКА	65
Ю. А. ПОРОТЬКО, <i>старший преподаватель кафедры русского языка и методики его преподавания (для филологов) Санкт-Петербургского государственного университета</i>	
ЯЗЫКОВАЯ СРЕДА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СКАЗОЧНЫХ ПЕРСОНАЖЕЙ	67
М. А. СОЛДАТОВА, <i>аспирант Казанского государственного педагогического университета</i>	
СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КОНЦЕПТА «ПРИРОДА» НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКИХ И РУССКИХ НАРОДНЫХ ПРИМЕТ	68
Н. Н. ФАТТАХОВА, <i>профессор кафедры русского языка Казанского государственного педагогического университета, доктор филологических наук</i>	
НАРОДНЫЕ ПРИМЕТЫ КАК ЕДИНИЦЫ, АККУМУЛИРУЮЩИЕ МНОГОВЕКОВОЙ СЕНСОРНО-МЕНТАЛЬНЫЙ ОПЫТ	70

4. Курение и наркотики. *To take a narcotic by inhalation: to smoke tobacco.*

5. Движение. *To go away, to depart; to leave a place esp. rapidly or secretly.*

6. Передача информации. *To inform against someone; to squeal on someone; To unearth and broadcast illegal or unethical dealings; to expose a scandal to the public.*

7. Оказание внимания. *To treat someone to something, as to a drink, meal or entertainment.*

8. Игра на музыкальном инструменте. *To play a musical instrument esp. in jazz style, whether a wind instrument or not.*

9. Успешное завершение. *To perform any act esp. to perform any act well.*

10. Физиологические функции и отправления. *To perform cunnilingus or fellatio on someone.*

11. Поражение. *To lose something as a prize, in defeat; to lose one's chance of success or of winning; to fail to use one's opportunity to advance or success.*

12. Денежные операции. *To spend or lose money, usu. quickly or on unnecessary items.*

13. Ликвидация. *To eliminate or cancel part of an agreement or business.*

14. Театр. *To forget or blunder one's lines in a stage show.*

15. Спорт. *To throw a baseball fast and hard.*

Примеры:

He gets fifty grand a picture now and he blows it! (Puzo, 390)

He sat down and said: 'Bernie despain blew town last night with my winnings on Peggy O'Toole'. (Hammet, S. D. S., 24)

В первом примере у глагола *blow* реализуется просторечное значение *to spend money, usu. quickly or on unnecessary items*, а во втором — *to leave a place, esp. rapidly or secretly*, при этом в первом случае просторечный ЛСВ глагола *blow* может быть отнесен к тематической группе «Денежные операции», а во втором случае — к группе «Движение».

Таким образом, одной из основных причин многозначности в сфере просторечной глагольной номинации является то, что главные ресурсы просторечной лексики лежат в частотности употребления германской по происхождению лексики, когда сравнительно ограниченное число односложных глаголов в процессе метафоризации образуют значительное количество просторечных ЛСВ.

Д. И. МЕДВЕДЕВА,

ассистент кафедры иностранных языков
Удмуртского государственного университета (Ижевск)

КОНТРАСТИВНЫЙ АНАЛИЗ СПОСОБОВ ВЫРАЖЕНИЯ ИДЕИ ЗАПРЕТА В ПРЕДПИСЫВАЮЩИХ ЗНАКАХ

(На материале русского, английского и немецкого языков)

Исследование предписывающих знаков — направление в сопоставительной лингвистике, находящееся в настоящее время на начальной стадии разработки. Наиболее известными учеными, занимающимися данной темой, являются А. В. Вежбицкая и С. Г. Тер-Минасова. В своем труде «Немецкие культурные сценарии: Общественные знаки как ключ к пониманию общественных отношений и культурных ценностей» А. В. Вежбицкая [1] сопоставляет англо-немецкоязычные общественные знаки (*public signs* в оригинале), С. Г. Тер-Минасова [2] в книге «Язык и межкультурная коммуникация» рассматривает соответствующие языковые единицы на материале английского и русского языков.

Оба исследователя выдвигают гипотезу, что различия в способах речевого поведения отражают различия в иерархии культурных ценностей языковых коллективов.

В связи с неразработанностью терминологического аппарата по данной проблематике термин *public signs*, которым в английском языке обозначается материал исследования, не имеет в русском языке

точного общепринятого эквивалента. Под понятием *public signs* подразумеваются объявления, вывески — знаки, адресованные любому потенциальному адресату и никому конкретно [1, 159]. Переводчик работы А. В. Вежбицкой в большинстве случаев переводит данное словосочетание как «общественные знаки», но также встречается обозначение «публичные знаки». С. Г. Тер-Минасова обозначает *public signs* как «информативно-регулирующие указатели» либо «информативно-регуляторская лексика» [2, 232]. На основании информации, которую содержат данные знаки, С. Г. Тер-Минасова предлагает следующую классификацию:

- 1) собственно информация;
- 2) инструкция, то есть тот вид информации, который говорит, что надо делать, призывает к определенному действию;
- 3) запрет, то есть тот вид информации, который сообщает, что категорически не надо делать [2, 233];
- 4) предупреждение, то есть такой вид информации, который хотя и мягче запрета, но имеет оттенок угрозы [2, 234].

Следует отметить, что в нашем исследовании для термина *public signs* выбрано обозначение «предписывающие знаки».

В связи с изучением двух и более языков на большинстве языковых факультетов, а также включением в учебные программы курса «Контрастивное страноведение» представляется перспективным сопоставительное изучение предписывающих знаков на материале русского, английского и немецкого языков. Цель данного исследования — выявление особенностей отражения культурных норм на лексико-стилистическом, грамматическом, пунктуационном и композиционном уровнях.

Следует отметить, что традиция использования предписывающих знаков в странах Запада является более давней, чем в России. Как правило, все знаки подобного рода в Германии и англоязычных странах изготовлены фабричным способом и снабжены соответствующими логотипами. В России в настоящее время большинство предписывающих знаков изготавливаются вручную и представляют собой рукописные таблички или листы бумаги с текстом, набранным на компьютере.

Рассмотрим наиболее частотные предписывающие знаки, встречающиеся в трех языках и культурах.

Наиболее распространенными структурами для выражения запрета курения в общественных местах России, Германии и англоязычных стран являются *Rauchen verboten* (курение запрещено — существительное + страдательное причастие), *Не курить* (отрицательная частица + глагольный инфинитив), *No smoking* (отрицательная частица + герундий). Несмотря на то что английская конструкция традиционно переводится на русский язык как *Не курить*, очевидно расхождение как в грамматических структурах, так и в выражаемом культуроспецифичном значении. Категорический императив *Не курить*, используемый, по ироническому определению С. Г. Тер-Минасовой, как «форма обращения к собакам... солдатам, нарушителям границы, преступникам и законопослушным гражданам», представляет собой наиболее грубую, не терпящую возражений форму обращения [2, 255]. Английское *No smoking*, согласно формулировке А. В. Вежбицкой, «представляет собой общее правило, а не выражение чьей-либо воли» [1, 175]. Преобладание правил (инструкций) над запретами является характерной особенностью предписывающих знаков в англоязычных странах и объясняется тем, что в англосаксонской ментальности высшей ценностью считается свобода личности. В немецком культурном пространстве ключевым культурным концептом является *Ordnung* (порядок), достижение и поддержание которого предполагает подчинение воле другого лица, которое расценивается «не как ограничение личных свобод или ущемление достоинства, но как необходимый акт повиновения» [1, 186]. В предписывающих знаках с компонентом *verboten* могут выражать

свою волю, требуя подчинения, как представители официальной власти, так и частные лица.

Необходимо отметить, что в англоязычных странах знаки, служащие цели борьбы с курением, отличаются широкой вариативностью. Они могут быть представлены в виде вежливой просьбы: *Please don't smoke* («пожалуйста») + глагол в повелительном наклонении), апеллировать к законопослушности граждан (*It is illegal to smoke anywhere at this station*). По наблюдениям Тер-Минасовой, британцы, национальной чертой которых является любовь ко всему старинному, часто стилизуют предписывающие знаки под объявления XIX века: *Tobacco fumes strictly prohibited* (существительное + причастие II) — структура, аналогичная немецкому *Rauchen verboten*. Это дает возможность проследить изменения особенностей предписывающих знаков в диахронии и, в частности, отметить, что знаки позапрошлого века отличала большая строгость и категоричность и больший процент запретов по сравнению с правилами.

В настоящее время слово *prohibited* «иногда используется в общественных объявлениях, но только применительно к антиобщественному или представляющему опасность поведению» [1, 172]. Например, предписывающий знак *Smoking prohibited* можно увидеть вблизи нефтяных резервуаров или заправочных станций. В целом же в местах и ситуациях, где имеется опасность возгорания, все знаки в сопоставляемых языках содержат запрет в наиболее краткой и категоричной форме, сопровождающийся указанием на опасность:

Газ Огнеопасно Не курить	Danger No smoking	Feuer, offenes Licht und Rauchen verboten Explosionsgefahr
--------------------------------	----------------------	--

Согласно имеющимся данным, в ситуациях, связанных с парковкой автомобилей, немецкие предписывающие знаки содержат либо прямой запрет, выраженный конструкцией *Parken verboten*, либо информацию + предупреждение о применении штрафных санкций к нарушителям, не имеющим права на использование частных стоянок:

Privatparkplatz!

Widerrechtlich parkende Fahrzeuge werden kostenpflichtig abgeschleppt.

Вероятно, распространенность данных знаков в Германии связана с тем, что нехватка места для парковки и очень большое количество автомобилей, особенно в больших городах, является серьезной проблемой, поэтому наказания за нарушения правил парковки более строгие, чем в нашей стране. Немаловажным фактором является также указание на частную собственность.

В России наиболее стандартизированным знаком, запрещающим парковку, является *Стоянка запрещена*. Менее распространено объявление *Машины не ставить*, используемое в тех случаях, когда припаркованный автомобиль мешает движе-

нию, например выезду из гаража других транспортных средств.

Особенностями климата отчасти можно объяснить и высокую частотность (а также широкую вариативность) предписывающих знаков, призывающих не входить на кафедру, в деканат и в другие структурные подразделения вуза в верхней одежде. Вариативность имеет целью оптимальное осуществление функции воздействия:

1. *Внимание!!! В верхней одежде на кафедру не входить!!!*

2. *В верхней одежде на кафедру не входить! Даже на минуту!*

3. *В верхней одежде не входить (даже «только спросить»)* и т. д.

Напротив, объявление, запрещающее еду, питье и курение в аудиториях Британского университета (*Eating, drinking and smoking are not allowed in this room*) [2, 248] вряд ли возможно на двери аудитории российского вуза, так как соблюдение подобных запретов является само собой разумеющейся нормой поведения.

Весьма частотными в Германии являются предписывающие знаки, содержащие в себе требование не бросать в почтовый ящик рекламу: *Reklame einwerfen verboten, Reklame verboten, Keine Werbung!*, не имеющие аналогов в России.

Данные знаки представляют собой интересный пример категоричного требования, исходящего от частных лиц (тогда как в России и англоязычных стра-

нах только представители официальной власти имеют право выражать категорические запреты и требовать подчинения). В англоязычных странах, по свидетельству Вежбицкой, люди могут защитить себя от вмешательства в их частную жизнь с помощью объявлений типа *No junk mail*, которые выражают индивидуальную волю безотносительно к общим социальным нормам или апелляции к собственной власти [1, 172]. В России на почтовых ящиках частных домов изредка встречаются объявления *Только для писем или Для писем и газет*, также представляющие собой информацию об общих правилах.

Таким образом, проанализированный материал позволяет выявить некоторые тенденции способов выражения идеи запрета, а также отражения в данных знаках специфики культурных норм и условий жизни народов. Дальнейшая детальная разработка данной темы с привлечением нового эмпирического материала и увеличением его корпуса составляет перспективу исследования и может способствовать более глубокому пониманию сопоставляемых культур, оптимизации процесса перевода и межкультурной коммуникации в целом.

Литература

1. Вежбицкая А. В. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики. М., 2001.
2. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М., 2000.

И. А. ЩЕРБАКОВА,

старший преподаватель кафедры немецкого и романских языков СПбГУП

ИМЯНАРЕЧЕНИЕ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ

Антропонимы (именование людей) являются неотъемлемой частью любого языка. При крещении ребенка нарекают именем, и это является условностью, которую в дальнейшем принимают все окружающие его люди. Для того чтобы удовлетворить потребность в индивидуализации, к личному имени добавляют фамилию, иногда отчество, в зависимости от того, гражданином какой страны является ребенок, какая система имен — двучленная или трехчленная — принята в этом обществе.

Какие же факторы влияют на выбор имени? По мнению В. А. Ивашко, их можно условно разделить на две группы: внешние факторы (церковный, традиционный, сословно-классовый, идеологический, культурно-эстетический) и внутренние (фоносимволический, ассоциативный, семантический) [1, 4].

Остановимся более подробно на анализе внутренних факторов. А. П. Журавлевым была создана

теория фоносимволической оценки слова [2]. Суть ее заключается в том, что между значением слова и его звуковой оболочкой существует соответствие, которое опирается на способность звука вызывать незвуковые представления. А. П. Журавлев объясняет ее изначальную ролью в жизни человека предметов и явлений, связанных с различными звуками (раскаты грома, шипение змеи т. д.). По мнению исследователя, «если понимать содержательность языковой формы как символическое значение, то возникает возможность считать символику звуков речи значимостью фонетической формы, или фонетическим значением». На основе этого А. П. Журавлевым была разработана оценочная шкала внешнего облика слова, которую В. А. Ивашко применил к личным именам. Полученный результат выявил тесную связь между употребительностью имени и его эмоционально-эстетическими характеристиками.